

Яна Дубинянская

ПИСЬМА ПОЛКОВНИКУ

Яна Дубинянская
Письма полковнику

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубинянская Я. Ю.

Письма полковнику / Я. Ю. Дубинянская —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Она — принцесса, дочь Лилового полковника. Она выросла в Срезе, среди ученых и драконов. Теперь она просто учительница. Однако в мире, где идет невидимая, но жестокая схватка не только за тезеллитовые месторождения Среза, но и за обладание неведомым Ресурсом, бывшая принцесса — серьезная фигура на шахматной доске Большой Игры.

© Дубинянская Я. Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава I	8
Глава II	15
Глава III	24
Глава IV	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Яна Дубинянская

Письма полковнику

Пролог

Она узнала случайно. Могла не знать еще часов пять, потому что не собиралась сегодня к нему, думала только позвонить вечером, часиков после восьми. Совершенно случайно услышала по радио в чужой машине.

Машина была физика Лимберга. По средам у них одновременно заканчивались уроки – пятый последний – и физик традиционно предлагал литераторше подвезти ее на своем автомобиле, а она традиционно отказывалась. А сегодня согласилась: в окне между вторым и четвертым закупились продуктами ко дню рождения, и очень не хотелось тащить на себе сумки. Лимберг истинную причину понял, а потому не слишком воспрял духом. И, чтобы подчеркнуть чисто дружеский характер своего жеста, включил в машине радио и даже не стал искать музыку.

Она думала о своем – как бы с наименьшими потерями отстреляться от юбилея – и воспринимала голос диктора как шумовой фон, не вникая в смысл. Но, как оно обычно бывает, сознание подключилось автоматически, когда прозвучали слова не просто знакомые, а имеющие для нее личное значение. «Кровавый режим Лилового полковника». Успела подумать: зачем? Кому это интересно?... может, какая-то дата?

Экскурс в историю был подробный, даже слишком для радионовостей, и ее недоумение успело вырасти до приличных размеров. И вдруг – будничное, в продолжение темы, для замены фамилии или местоимения «он»: самоубийца...

– Что с вами, Ева Николаевна? – Лимберг притормозил. – Вам плохо?

По радио говорили уже о другом. О новостях спорта...

– Что-нибудь случилось? Вы о чем-то вспомнили?... забыли?... Надо вернуться?

Она пусто смотрела перед собой, а физик продолжал сыпать предположениями:

– Или побыстрее домой? Мы уже почти приехали. Вон та высотка за поворотом, правильно?

Очнулась:

– Остановите. Я выйду здесь.

Физик смешался:

– Что вы, я доведу до подъезда... Вы обиделись? Я не хотел, честное слово... У вас же тяжелые сумки!

Сумки, да. Закинуть их домой и ехать. Нет, ехать необходимо сразу. Но не на Лимберговой же машине, боже мой, как глупо, как неправильно... не называть же ему адрес!..

Впрочем, почему бы и не назвать? Если все равно – по радио. Завтра все будут всё знать, и уже неважно. А сегодня расспросы Лимберга можно попросту игнорировать. Он доведет, дурачок. И это главное.

...В подъезде никто не толпился, и она, не рискнув вызывать вечно застревающий лифт, метнулась вверх по лестнице. Седьмой этаж; ее дыхания всегда хватало максимум до пятого, и это спокойным шагом. Но сегодня она чуть было не взбежала на восьмой. Затормозила, вернулась. На лестничной площадке было пусто, и успел взорваться страх: там, в квартире, тоже никого, только бумажка и пломба на дверях, опоздала, опоздала!..

И тут из-за двери вышла незнакомая девица в потертых джинсах и с огромным фотоаппаратом на шее. Затянулась, отбросила окурочек и сразу потянулась за новой сигаретой. Захотелось ее прибить.

Вместо этого спросила; голос все-таки срывался после бега по ступенькам:

– Он еще... тело не увезли?

– Не-а, – откликнулась девица. – Не разрешают трогать. Какая-то шишка из ментов никак не явится. Все нормальные журналисты разъехались, а моему чудику приспичило комментарий брать...

Сипловатое сопрано заглохло позади захлопнутой двери. В прихожей было натоптано, пахло куревом и чужой парфюмерией, с кухни доносились чьи-то голоса. Она рванулась в его комнату, такую тесную из-за книжных полок по всему периметру и огромного письменного стола, ударилась коленом об угол дивана, остановилась и, вертя головой по сторонам, все никак не могла его найти...

– Вы эксперт? – вежливо спросил брюнетистый юноша, поднимаясь из-за стола.

Она попыталась вникнуть в смысл вопроса. И вдруг увидела.

Он скорчился в углу кресла, маленький, словно карлик или ребенок. На нем был парадный мундир, и заострившийся подбородок над лиловым воротничком казался желтым, как недопитый чай. Удивленные глаза – в потолок, будто с вопросом к кому-то там, наверху. Чисто выбритые морщинистые щеки. И лиловое пятно на груди, чуть-чуть темнее мундира. Почти правильной круглой формы.

Рука с пистолетом свесилась вниз. Классически – до бессилия в коленях, до спазма в горле, до острого сигнала подступивших наконец слез...

– Интернет-издание «По следам», – сказал вежливый юноша. – Не волнуйтесь, я ни к чему не прикасался. Не могли бы вы проко...

– Что?!! – она обернулась к нему резко, словно отпустили до предела накрученный заводной механизм. Юноша отпрянул, часто хлопая длинными ресницами.

За спиной послышались шаги. Кто-то матюкнулся. Другой, посдержаннее, рявкнул:

– Гражданочка, туда нельзя, да сколько можно!.. Вы кто такая?

Она заставила себя посмотреть снова. Да, он должен был когда-нибудь это сделать. Именно так: в парадном мундире, из именного оружия. Еще тогда... Если тогда – нет, то лишь из-за нее. Она всегда это понимала. Бегство, унижение, пресмыкание перед спецслужбами чужой страны, вымоленное инкогнито, жалкая жизнь-заточение в малометражной квартире... Только из-за нее и для нее. Для него – пистолет и лиловый мундир. А когда-нибудь – это в любой момент. И бессмысленно спрашивать: почему именно теперь?... через столько лет...

И еще бессмысленнее, совсем нелепо и по-детски: почему – сегодня, накануне дня ее рождения?

Был вопрос. Она ответила:

– Я его дочь.

Милиционер за спиной, сбавив тон, пробормотал что-то насчет «пройдемте» и дачи показаний. А юноша с длинными ресницами очнулся и заорал:

– Машка-а-а-а!!!

Должно было. Когда-нибудь. Слезы так и не пришли; она прикрыла веки, пытаясь найти в себе что-то похожее на чувство облегчения. Но никакого облегчения не было. Наоборот – смутная, давящая тяжесть. Теперь придется взвалить на себя еще и это... похороны, журналисты... Почему – журналисты? Ему же обещали...

– Чего тебе? – спросило за спиной хриплое сопрано.

Обернулась; просто на звук.

Навстречу спящей фотовспышке.

Дорогой папочка здравствуй!

Я пишу сама потому что я уже большая. У нас тепло солнце, светит, дождь. Роза говорит настоящая принцесса не должна бегать полужам, но

так не интересно. Мне подарили дракона!!!!!!!!!! Его зовут Драго. Он ишо маленький. Не разговаривает, но учиться. Принцесы все с драконами правда? Вчера в замок привезли уголь на зиму, целую гору!!!!!!!!!! Я лазила. И ничего только шлейф патом выкинули, но мне не жалко. Роза говорит надо писать про важное как я учусь. Я учусь хорошо. Я уже большая. Приезжай. Я тебя люблю.

Твоя Эвита.

14.09.07

Часть первая

Глава I

Марисабель сидела на подоконнике и курила.

Сигарета у нее была модная, длинная, как и ноги в красных чулках сеточкой. Из под юбки виднелись чулочные резинки, а также краешек черных трусиков; все пацаны, естественно, пялились туда. Марисабель уже раза три отправляли домой переодеваться из этой юбки в приличное, но теперь она придумала фирменный фокус: приходила в школу в чем-то скучно-клетчатом до колен, а после уроков закрывалась в туалете – и р-раз! Некоторые одноклассники бегали подглядывать, как это самое клетчатое падает к ее ногам. Открывачка точно бегал.

Открывачка тоже дымил, кашляя, как простуженный паровоз. Вонь от его самокрутки шла какая-то сладковатая, подозрительная. Про Открывачку болтали много чего, возможно, в том числе и брехни, но по-любому все точно знали, что он сидел. Что он старше всех на два года, а такой мелкий из-за курева с детсадовского возраста. И еще неизвестно, какую гадость он курит.

Дылда морщила безразмерный нос, купированный сверху очками, и демонстративно отодвигалась подальше. Потом опять придвигалась. Бейсик рассказывал вполголоса, иногда срываясь в полусшепот, и с четырех шагов его уже было не расслышать. А у Дылды к тому же не имелось опыта, она всю жизнь просидела за первой партой. И никогда не нуждалась ни в чьих подсказках с места.

– Ну?! – выдохнул Воробей. Искося глянул на трусики Марисабели. Было непонятно, что возбуждает его больше.

– Спокойствие, – Бейсик мастерски выдержал паузу в рассказе. – Теперь обратимся к достоверным источникам информации. Как сообщает уважаемое интернет-издание «По следам»...

Он был известным приколистом. В его ушастой голове бродили безразмерные стаи тараканов, но это обычно не грузило. Хотя загрузить Бейсик при желании мог кого угодно, даже математичку, а то, что он вытворял на уроках лопуха Блинберга, особенно на лабораторных, моментально становилось общешкольными легендами. К примеру, опыт с последовательным соединением по ножкам парт первого ряда и мощным коротким замыканием на учительском столе поставил именно Бейсик, хотя к директору водили, как всегда, Открывачку.

– Ну?! – требовательно спросила Марисабель. Стряхнула пепел на голову Воробья.

Бейсик молчал, откровенно, в отличие от остальных, уставившись ей под юбку. Марисабель заерзала и юбку одернула. Дылда хихикнула.

– Теперь можно, – кивнул Бейсик, и Дылда, а за ней и все остальные грохнули уже во весь голос. Марисабель пунцово покраснела – под цвет чулок. Ей шло.

– Слушай, ты че?! – Открывачка отщелкнул в сторону окурков, попав, возможно, случайно, Воробью в бок. Двинулся на Бейсика: – Я не понял! Или базарь, или не гони! Понял?!

– Традиционно восхищен твоим словарным запасом, – кивнул Бейсик. – Так вот. Интернет-издание «По следам» сообщает любопытные подробности. В свое время, предоставляя убежище Лиловому полковнику, наша страна действовала в обход международных конвенций. Что из этого следует? А следует из этого...

Марисабель поморщилась. Про международные конвенции ей было неинтересно. Как и большинству собравшихся. Но все, даже Открывачка, знали, что пока Бейсик доберется

до интересного, придется выслушать немало всяческой мути, и бороться с этим нет никакой возможности: если перебивать, он вообще ни черта не расскажет. Марисабель вынула новую сигарету, и то ли трое, то ли четверо пацанов защелкали зажигалками. Дылда отодвинулась. Потом придвинулась снова.

– Следуют из этого очень странные вещи. Я бы даже сказал...

– Шухер! – просигналил от лестницы Лысый.

Все подорвались, синхронно обернувшись в ту сторону. Воробей вскочил с корточек, теряя выгодную позицию внизу под Марисабелью, Открывачка независимо сплюнул, Марисабель судорожно спрятала за спину сигарету, затушила ее о раму и, одернув юбку еще ниже, спустила ноги с подоконника. Бейсик умолк с философским видом. Дылда делала вид, что она совершенно случайно оказалась тут, с этими людьми. Что ее вообще здесь нет.

В тишине слышались шаги. Быстрые, вприпрыжку по ступенькам. Никак не учительские.

– Отбой, – усмехнулся Лысый. – Это Стар.

Все выдохнули, расслабились. Открывачка вспрыгнул на подоконник. Воробей извертелся, теснясь поближе к Марисабели, которая с сожалением разглядывала почти целую сигарету: не прикуривать же заново? – пока Бейсик ловко не выдернул длинный бычок из ее пальцев, зачем-то засунув его за ухо. Дылда сняла очки, и ее нос вырос еще на добрых полтора сантиметра. Потом опять надела.

– Салют, – сказал Стар, появляясь под лестницей. – Народ, что за понты, полчаса вас ищут! Я же ясно сказал: в курилке.

Открывачка презрительно хмыкнул. Стар, чистюля и спортсмен, хорошист и староста класса, вообще не курил и даже почти не выпивал. А туда же.

– Ту курилку накрыли, – высунулся Воробей. – На прошлой неделе еще. Мымра теперь лично ходит проверять, а мы здесь тусуемся.

– Мог бы предупредить!.. – обернулась к нему Дылда.

И тут же осеклась под уничижительным, как отравы для насекомых, взглядом Марисабели. Та оперлась пятой точкой на подоконник, скрестив красно-сетчатые ноги; Открывачка ненавязчиво облапил ее за плечо, и его пятерня была сброшена оттуда столь же ненавязчиво, но жестко, коротким изящным движением. Дылда так не умела. Впрочем, ей и не требовалось.

– Короче, – сказал Стар. – К делу. Насчет Евы.

Все посмотрели на Бейсика.

Одна Дылда не отрывала глаз от Стара. И увидела, как на его мощной загорелой шее прыгнул кадык от непроизвольного глотка. Больше никто не заметил, даже Марисабель. Хотя кто ее знает. У нее имелись рецепторы на всех выступающих частях тела, как любил выражаться Бейсик.

Сейчас Бейсик молчал. С таким видом, будто все это его совершенно не касается.

– Сдаем по двадцатке, – сказал Стар.

– А не жирно? – возмутился Открывачка.

– Во-во! – подхватил Воробей. – Может, пускай ихний профсоюз сдает? Мы-то тут при чем?

Народ зашелестел, зароптал, завозмутился. Открывачка закурил новую самокрутку и расчетливо пустил струю вонючего дыма по касательной вверх, прямо в лицо Стару. Тот поморщился, отмахнулся ладонью. Физиономия у него была несколько обалдевая. Марисабель взлетела на подоконник, грациозно отпихнув Открывачку локтем. Положила ногу на ногу и тут же поменяла ноги местами. Воробей издал судорожное пыхтенье; совершенно зря, поскольку трюк предназначался адресно Стару. Дылда отвернулась.

– И на что сдаем? – поинтересовалась Марисабель. В ее нежном голоске прозвенело как минимум с десятков смыслов, один порочнее другого. Дылда развернулась обратно.

– На венок, – хихикнул Воробей.

Дылда и Марисабель разом шикнули, а Открывачка сверху дал шелбана. Воробей заткнулся.

Стар пожал накаченными плечами:

– Я, кажется, уже всем рассказывал. Ладно, может, кто-то не в курсе... По-моему, неплохая идея. В учительской говорят, Ева черт-те сколько не была в Срезе, так что, думаю, будет в тему подарить ей путевку на две недели, на сразу после экзаменов. Наш у нее последний, я узнавал в учительской. Красиво, правда? Не попово, как сервис или там что. У кого из народа не спрашивал, все за. Но если кого давит жаба на двадцатку...

Он обвел притихшую курилку бреющим взглядом с высоты своих метр девяносто три, снова незаметно сглотнул и добавил:

– Все-таки сороковник. Не каждый день.

Тишина под лестницей стала осязаемой, будто клубы сладковатого дыма.

Бейсик откровенно кайфовал.

– Если я правильно оцениваю ситуацию, – наконец начал он, поправляя дамскую сигарету за оттопыренным ухом, – среди нас есть о-очень малоинформированные личности. Повторяю специально для этих некоторых: как стало известно вчера во второй половине дня...

– Шухер, – сообщил Лысый.

* * *

– Присаживайтесь, госпожа Роверта.

– Анчарова, – автоматически поправила она.

– Да, конечно, – без улыбки согласился сотрудник, заглянув в бумаги. – Анчарова Ева Николаевна. Садитесь.

Он был в штатском. Впрочем, он и вправду был штатским: цивильный характер некоторых спецслужб – одно из завоеваний демократии. Серый костюм с желтым галстуком, не вызывающим, а просто безвкусным, и никакое кабинетное лицо. Эва не могла понять, с этим ли человеком она разговаривала в прошлый раз – или с другим, похожим?

– Вас пригласили, чтобы задать несколько вопросов. Но прежде всего примите наши соболезнования, Ева Николаевна.

Она приняла, утвердительно опустив ресницы. Этого достаточно. Дальше.

На столе перед цивилом, кроме компьютера, телефона и разрозненных кип бумаги, имелась тезеллитовая статуэтка дракона из серии «На память о Срезе» и фотография в тезеллитовой же рамке, развернутая так, что не разглядеть, кто на ней изображен – а любопытно. Любопытно Эве было и в прошлый раз, да и дракона она запомнила: значит, стол тот же самый. Но, может быть, сотрудники за ним меняются посменно?

– Кроме того, я от имени нашего ведомства хотел бы извиниться перед вами, – сказал он, и Эва вскинула голову. – За допущенную утечку информации. Поверьте, мы сожалеем об этом, Ева Николаевна.

Разумеется, она не собиралась ничего демонстрировать, протестовать, идти на конфликт. Хотела снова опустить ресницы: переходите к следующему пункту, и поскорее. Иронический смешок вырвался сам собой, беззвучный, как грамотная подсказка с первой парты, почти без движения губ. Но цивил, видимо, в свое время отнюдь не блестяще учился в школе.

– Мы сожалеем, – с нажимом повторил он. – Может быть, кофе?

Эва отказалась. Тоже беззвучно, раз уж до него так хорошо доходит.

– А я, с вашего разрешения... Люда!.. Кстати, я бы рекомендовал, кофе у нас хороший. А разговор нам с вами предстоит долгий. И ответственный.

– Уговорили, – она усмехнулась уже откровенно, ядовито. – Со сливками.

– Два кофе со сливками, Люда. И проследи, чтобы нас не беспокоили.

Он замолчал, уткнувшись кабинетным лицом в компьютер: техническая пауза для секретарши. Эва едва сдержалась, чтобы не заерзать нервно на стуле. Как это все неприятно, тревожно, не вовремя. Сегодня вроде бы должны дать разрешение на кремацию, его нужно завизировать в трех местах, разбросанных по городу, и успеть до шести. С этим допросом она рассчитывала отстреляться, как всегда, самое большое за полчаса; наивная. «Долгий и ответственный разговор. Не беспокоить».

Какого черта им от нее может быть нужно – теперь?!

– У вас возникли трудности с похоронами?

Она вздрогнула. Оказывается, кофе уже принесли – когда?... надо полагать, признак профессионализма секретарши – и, судя по запаху, правда хороший. Эва протянула руку за чашкой, попутно коснувшись драконьего крыла статуэтки; тезеллит ответил теплой пульсирующей волной. Не подделка.

– Нет, спасибо. Все нормально.

– Возникнут.

Эва пожалала плечами. Чтобы это быстрее кончилось, все резкости и обвинения, а также произвольные смешки лучше держать при себе. Тем более что все равно ничего уже не изменишь. Кто у него там в рамочке – любимая женщина?... нет, скорее всего, счастливое семейство. Такие всегда сразу заводят образцово-показательную семью. Минуя этап любви.

– Прочтите, – цивил протянул ей ксерокс газетной вырезки. Грязноватый, с кляксой вместо фотографии.

– Спасибо, я не читаю газет.

– И все-таки. Я прошу вас, Ева Николаевна.

Она поставила чашку на стол, взяла листок. Прочла вслух, без выражения:

– «Левая организация «Равенство» протестует против похорон на нашей земле кровавого тирана Николаса Роверты, известного также как Лиловый полковник. «Равенство» возмущено тем фактом, что полковник Роверта не был при жизни выдан властям государства, претерпевшего столько горя во времена его диктаторства. Активисты заявляют о своем намерении пикетировать похоронную церемонию...» Полная чушь, – она сложила листок вдвое. Затем вчетверо. – Насколько я знаю, это «Равенство» – горстка городских сумасшедших. И потом, никакой церемонии не будет. Нечего пикетировать.

Цивил покачал головой:

– Согласен, это мелочи. Но мелочи очень неприятные. Боюсь, вы не сумеете нормально похоронить отца и не будете уверены, что никто не потревожит его прах. А школа? Вы ведь еще не ходили на работу с тех пор, как...

– Вы следите за моими передвижениями?

Он усмехнулся, уронив каплю кофе на желтый галстук. Негромко выругался. И вернулся к усмешке, словно к отложенной телефонной трубке:

– И кто только не следит сейчас за вашими передвижениями, Ева Николаевна!.. Но перейдем ближе к делу. Мое ведомство осознает: в том, что информация просочилась в прессу, есть доля нашей вины. Поэтому и часть ваших проблем мы берем на себя. Полковник Роверта будет похоронен с воинскими почестями, на охраняемой территории кладбища для особого контингента. Не надо морщиться. Если вас не устраивает этот вариант, мы можем организовать скромное погребение инкогнито...

Инкогнито! У нее уже выработалась идиосинкразия на это слово. Микроскопический квадратик между пальцами больше не хотел перегибаться пополам. Эва уронила его под ноги, пусть валяется.

– Нет, почему. Я согласна на воинские почести. Отцу было бы приятно.

Сотрудник покивал и сделал какие-то пометки в бумагах. Потом отпил кофе и вдруг интимно спросил:

– Вздорный был старик, правда?

– Правда, – сухо сказала Эва.

Значит, сегодня уже не нужно мотаться по инстанциям. Она отметила это просто как факт, будто вычеркнула красной пастой несколько пунктов из списка в ежедневнике, не почувствовав ни малейшего облегчения. И чего, интересно, они потребуют взамен?... любопытство теплилось еле-еле, неспособное всколыхнуть какие-либо сильные чувства. Да что бы ни потребовали. У нее нет никаких обязательств перед ними. А у них – никаких рычагов воздействия, чтобы эти самые обязательства возникли.

И, подчеркивая расстановку сил, сама задала вопрос:

– Каким образом произошла утечка информации?

Сознательно подпустила в голос профессиональные интонации: «Почему вы не готовы к уроку, Иванов?» Цивил вздрогнул, втянув подбородок под узел желтого галстука, – сто процентов, бывший двоечник, – но овладел собой тоже профессионально быстро. Посмотрел на нее грустно и сочувственно. Они умеют так смотреть, их, наверное, специально этому учат. Всех; кажется, в прошлый раз с ней все-таки беседовал другой.

– Поверьте, мы работаем в данном направлении и скоро будем знать. Вряд ли такое могло случиться по нашим каналам, но, как я уже говорил, это не снимает с нас некоторой доли ответственности за вашу судьбу. Из школы вас, разумеется, уволят. Под любым благовидным предлогом, задействовав очень неблагоприятные методы. Лично я посоветовал бы вам, не дожидаясь, уйти самой.

– Куда вы посоветовали бы мне уйти?

Она уже не сдерживала сарказма. И все же забеспокоилась: не прозвучала ли ее реплика приглашением к началу торговли, предварительным согласием неизвестно на что? Впрочем, даже если и так, это не имеет значения. Отпила кофе, уже остывшего, но все равно вкусного. Хоть тут не соврал.

– Вы правы, – вздохнул цивил. – Вам будет нелегко устроиться по специальности. А ведь есть еще друзья, соседи, просто знакомые и даже незнакомые люди... вы тонкая натура, вы чувствительны к подобным вещам. Конечно, волна скоро схлынет. Я бы не сказал, что в нашей стране так уж ненавидят Лилового полковника. Да когда это было?... и где? – он махнул рукой куда-то вдаль; совсем в другую сторону, машинально отметила Эва. – Но полностью уйти от психологического прессинга вам будет трудно. А ведь вы еще так молоды, Ева Николаевна. Сколько вам, простите за бестактность, лет?... тридцать пять?... тридцать шесть? Вы прекрасно выглядите.

Он точно знал, сколько ей лет. Если не помнил, то, в конце концов, у него перед носом лежит ее досье. Наверное, хотел, чтобы она сама напомнила ему... какой завтра день. Не дождетесь.

Эва молчала. Разглядывала статуэтку. И где они видели таких шипастых драконов?

Цивил перехватил ее взгляд:

– Очаровательная вещичка, правда? Кстати, еще один совет. Сразу после похорон вам лучше всего отправиться в Срез. Там легко затеряться, избежать ненужного внимания к своей персоне, да и развеетесь заодно... Мы полностью финансируем вам путевку по самому высшему разряду. Когда вы последний раз были в Срезе?

Она снова не ответила. Он не мог не знать, когда.

– Люблю Срез, – мечтательно протянул сотрудник. – А дети так и вовсе в восторге. Все-таки, как ни крути, несправедливо, чтобы подобными благами пользовался ограниченный круг людей. В чем несомненное преимущество демократии перед диктатурой...

Он кашлянул. До предела наклонил голову, разглядывая пятно на галстуке; поморщился. Заговорил, не поднимая глаз, словно в сотый раз формулировал нечто давно обсужденное и решенное:

– А вернетесь уже в другой город, под другим именем, жилье и трудоустройство гарантировано. Программа защиты свидетелей, может быть, слышали о такой? Стоит дорого, но в вашем случае, повторяю, ведомство чувствует себя обязанным... Да и вы действительно в каком-то смысле свидетель.

Последняя фраза была шуткой. Судя по его собственному негромкому смеху.

За смехом последовала пауза. Такая, какую вежливые хозяева разыгрывают для засидевшихся гостей перед обменом ритуальными фразами прощания. Странно. Да, разговор затянулся немного дольше, чем обычно в этом кабинете (а может, у них и кабинеты все одинаковые, с драконами и фотографиями в тезеллитовых рамочках?), но ведь допрос, по сути, еще не начинался.

– Кстати, – бросила она пробный шар. – Вы хотели задать мне несколько вопросов относительно обстоятельств смерти моего отца. Начинайте.

Цивил недоуменно поднял глаза:

– Что?... нет, в этом нет необходимости. Обстоятельства смерти полковника Роверты, к счастью, вопросов не вызывают. Цель нашей встречи – наметить шаги в защиту вашей приватности, и я рад, что мы быстро пришли к взаимопониманию. Повторяю: нам очень жаль, что так получилось. Вы можете рассчитывать на всестороннюю помощь, Ева Николаевна.

Даже так. Ну что ж. Это тоже ничего уже не изменит.

– Спасибо, – Эва ослепительно улыбнулась. – Я рада столь трогательной заботе о моей приватности. Однако вы ошибаетесь: в разгаре экзамены, и уволить из школы единственного преподавателя по основному предмету руководство физически не сможет. А сплетни коллег, да и соседей, я как-нибудь переживу. И еще: я не люблю Срез. В вашем досье должно быть записано.

В чем несомненное преимущество демократии перед диктатурой: местных спецслужб можно не бояться. Просто чиновничья инстанция, нудная и нелогичная, местами до абсурда, способная вымотать нервы и довести до истерики, – но абсолютно безопасная для жизни. Хорошо, что они ходят в штатском, а не в лиловых мундирах. Хорошо, что им можно высказать хотя бы малую часть необходимого с точки зрения здравого смысла. И беспрепятственно уйти.

Она встала и оперлась ладонями на стол, глядя на сотрудника поверх монитора:

– Всего доброго. Еще раз спасибо за помощь в организации похорон. Надеюсь, там и увидимся.

– Да-да, разумеется, госпожа Ро... Анчарова. Вас известят.

Ее левая рука почти касалась тезеллитовой рамки. Перед тем, как выпрямиться, Эва развернула фотографию на себя: пусть понимает, как хочет. Увидела даму бегемотистой внешности и двух упитанных оболтусов в возрасте где-то на второй-третий и седьмой-восьмой классы. Естественно. А если кабинет все-таки другой – так и в том, первом, примерно такое же фото на столе.

...Она вышла наружу. После хорошо кондиционированного кабинета было не июньски душно и парко; наверное, будет гроза. На улице – впрочем, удаленной от центра и потому всегда немногочисленной – не виднелось ни единого человека; по пыльной дороге прогремела одинокая развалюха. Эва представила себе хищную стаю журналистов, кото-

рые, по идее, должны бы толпиться здесь в ожидании ее выхода; нервно усмехнулась. Какой Лиловый полковник? Кому интересны вчерашние новости?... кому она нужна?

Над асфальтом колебался горячий воздух. Тяжелый, как чей-то взгляд.

Здравствуй, папочка!

У меня все хорошо. Мы переехали в летнюю резиденцию. Это такой замок поменьше, но зато возле моря. Почему Роза не разрешает мне купаться? Она говорит шторм. А пажи все равно купаются! Шторм очень красивый. Белые-белые волны по всему морю. Море тоже красивое. А Драго боится. Я его просила полетать над волнами, а он не хочет. Говорит что намочит крылья и упадет. Но можно же высоко летать!

Мне подарили водные крылья! Красивые, белые, большие, с перьями, только, тяжелые. Они работают от солнца. Если я хорошо научусь, буду обганять Драго прямо по воде! Но надо, чтобы стал штиль. Я сижу на крепосной стене, смотрю и жду. И пишу тебе письмо.

Чуть не забыла а то Роза будет ругать. Экзамены я здала хорошо. Сеньор Ричес сказал у меня большие способности, особенно к языкам. А теперь у меня каникулы и можна не учиться.

Почему ты ко мне не приезжаеш? Только не пиши, что у тебя дела. У меня тоже дела. А такое длинное письмо тебе написала! А твои письма все короткие. Жалко.

Драго передает тебе привет. А я целую.

Твоя Эвита.

22.05.10

Глава II

Барышни были в основном тощие и голенастые. Впрочем, попадались и сравнительно кругленькие, по-сосисочному перетянутые поясами: эти перед съемкой затягивали пояса еще туже и клялись: «Я похудею!». Наверное, кто-то из организаторов не любит худышек, иначе пампушечек отсеивали бы еще при входе, на этапе весов с ростомером и бодреньким голоском, который советовал длинноногим пигалицам обратить внимание на питание. Недлинноногим это не помогало, и они наперебой рыдали в вестибюле.

Самой старшей барышне было лет пятнадцать. Тем не менее, все они старательно изображали многоопытность и сексуальность. У некоторых получалось убедительно. У большинства – смешно. А на фото, черт возьми, должно выйти как минимум красиво.

– Марь-Ванна! – крикнул под руку какой-то идиот; она запорола кадр и гневно обернулась. – Витек швейцарскую бленду продает. Тебе не надо? Недорого.

– Пошел ты, – сообщила она.

Барышни валили нескончаемым потоком; каждой позволялось принять перед камерой четыре развратные позы, одна из которых все равно шла насмарку, потому что надо было щелкнуть портрет. Хотелось курить. Хотелось наклеивать портретную галерею этих дурех такими, какие они есть на самом деле: например, с рыбьими физиономиями, воткнутыми в зеркала перед выходом на подиум. А потом послать всех нафиг.

Ага. И перебиваться случайными гонорарами, на фоне которых Толикова шарашкина контора – самый стабильный источник дохода. Пока грант не кончится.

– Перерыв! – зычно крикнул кто-то невидимый.

Барышня, чья очередь вертеться перед фотографом как раз подошла, издала негромкий вой, потрясая кулачками с торчащими кровавыми когтями больших пальцев. Так тебе и надо: Маша не удержалась, сняла. А что, классный кадр, надо будет предложить Толику. Он поставит. И слюни распустил от восторга.

– Нет, Машка, правда, – подскочил давешний идиот. – Бленда – супер! В «Объективе» такая знаешь на сколько тянет?

Она соизволила на него глянуть и вроде бы опознала: пару раз сталкивались лбами на звездных тусовках и прессухах. Кажется, он из какого-то глянцевого журнала... странно, там ведь неплохо платят. Погнали, наверное.

– Чего ж себе не берешь? – осведомилась она.

Он усмехнулся, похлопав свою квадратную сумку на ремне через плечо:

– Себе я недавно покруче справил. Ладно, ты думай, Маха, я Витьке скажу, чтоб до вечера придержал. Пошли покурим.

– Давай.

На ступеньках возле Дома культуры толпились новые претендентки. Каждая полуторная нервно курила; издали, наверное, казалось, что ДК обложили и подожгли. И кто бы мог подумать, что в городе проживает столько нимфеток старшего школьного возраста? Про перерыв, по-видимому, знали не все: задние ряды упрямо напирала на вход, не прекращая дымить. С одной акселераткой Маша столкнулась нос к плечу; и пережила бы, если бы длинная сигарета школьницы не вмазалась ей в бок, пропалив, кажется, джинсы! Самое запахло, что все соответствующие матюки достались левым барышням, прущим следом. Впрочем, пофиг.

Они с журнальным фотографом пристроились под деревом слева от входа. Закурили.

– Вот коза, – уже выдохшись, в смысле лексикона, сообщила Маша. Осмотрела джинсы: оказывается, сигарета козы не прожгла их, а наоборот, угодила в один из махровых

разрезов на бедре. Потому и вышло так чувствительно. Ну ладно, попадись ты мне на съемках!.. если повезет ее опознать, конечно.

– Как оно тебе? – спросил фотограф.

– Что? – она попыталась вспомнить его имя. Вроде бы что-то простое, без понтов: Коля или Вася. А может, она никогда его и не знала, имени.

Он произвел в воздухе сигаретой неопределенную восьмерку:

– Вся эта бодяга.

– Не знаю. Еще не определилась. Бабки хорошие, а так... Никогда раньше не работала на реалити-шоу.

Кстати, интересно: его уже взяли на проект или пробуют, как ее? А вдруг они конкуренты, претендующие на одно место, точь-в-точь как эти стаи пубертатных барышень?... Так что нечего ляпать языком. Еще наплетет кому надо, будто у нее нет опыта работы – бабки-то и вправду хорошие. Есть из-за чего интриговать, не считая спортивного интереса.

– И сколько она стоит, та бленда?

Вася или Коля назвал сумму – зашибись! – и Маша, глазом не моргнув, понимающе покивала:

– Поразмыслию. Я еще объектив-призму ищу. Не знаешь, кто-нибудь призму продает?

Пусть не думает, что она позарез нуждается в деньгах. Это для начала.

Толпа нимфеток на ступеньках заметно поредела, наполовину втянувшись в здание. Черт его знает, наверное, перерыв уже закончился. А может, просто штурмовали вход и теперь тупо толкуются в вестибюле. Когда находишься снаружи, всегда кажется, что пропускаешь все самое важное.

– Я спрашиваю, – Коля-Вася со вкусом затянулся; прищурился, глядя на нее. – Машка! Стой, где стоишь. В объектив не смотри.

Навел на нее огромный «Никон» и сделал подряд несколько кадров. Эстет, блин. Сама она никогда не снимала ничего такого, что заведомо нельзя было бы куда-нибудь устроить, хотя бы к Толику; ну, разве что на заре туманной фотоюности с «Зенитом». Или все-таки поискать себя потом на страницах глянцевого журналов?

– Освещение – супер, – пояснил он. – Ну что, Маха, пошли звездулеток щелкать?

– Пошли, – она запульнула окурком под чьи-то спешащие мимо каблучки. Не попала.

– Вообще работенка, говорят, собачья, – разглагольствовал он, поднимаясь по ступенькам. – Без продыху. Опять же, если у какой дурехи макияж поплыл, виноват, естественно, фотограф. Но не без приятных сторон... – хихикнул, – тебе не понять.

– Они же все несовершеннолетние.

– А про что ты подумала? Я так, в общем... с чисто эстетической точки зрения. Ну, и главное, из-за чего я согласился – Срез. Два месяца на халяву в Срезе! В хорошем отеле, да еще и в окружении таких вот цыпулечек...

Маша раздвинула двух «цыпулечек» локтями и вошла в вестибюль, хлопнув стеклянной дверью прямо перед физиономией Васи... или как его там? Кстати, надо бы уточнить. Чтобы на завтрашнем финальном собеседовании с продюсером проекта ненавязчиво упомянуть о «приятных сторонах» работы, которых ей, девушке с традиционной ориентацией, ну никак не понять. В отличие от некоторых.

Она прошла вестибюль, разгребая столпотворение девиц, словно ворох прошлогодних листьев. Перерыв еще не кончился, и дальше вестибюля их пока не пускали; кондиционер не справлялся с густым амбре пота, диковатых дезиков и кишечного волнения. Перед лестницей Маша по-приколу встала на весы: камуфляжный командир агрегата открыл было рот, однако узнал фотографа и понимающе хмыкнул. Ростомер стукнул железной тарелкой по голове, а компьютерный голос чирикнул насчет «внимание на питание». И это вместе с аппаратом на шее и сумкой с объективами, фильтрами и блендами через плечо.

– Вам бы подрасти сантиметров эдак на десять, – сдохмил камуфляжный. – И могли бы участвовать.

Маша оценила хохму и посмеялась за компанию. Нормальный парень, наверное, из охранного агенства; и каково ему тут стоять, бедняжке, целый день без перерыва в духотище, взвешивая разных дур? Или тоже не без приятных сторон?...

Уже на лестнице запищал мобильный.

– Машка, – разумеется, это был Толик. – Ты мне нужна. Срочно.

Рассказывать ему про реалити-шоу, серьезные бабки, Срез и прочие коврижки пока не хотелось: Маша была сдержанно, без фанатизма – но суеверна. Посылать на три буквы, ничего не объясняя, тоже: Толик при всех своих закидонах все-таки хороший парень. Поэтому она сказала только:

– Сорри, я сейчас не могу говорить. Перезвони часика через три, ОК?

Он перезвонил через три секунды – она не успела подняться на второй этаж. Пришлось отключить мобилку. И это при том, что Маша ждала как минимум двух важных звонков из журналов, а еще на один, от мальчика-мажора с экономического форума, где она фотографировала во вторник, – надеялась. Впрочем, ему будет даже полезно послушать про «абонент недоступен».

Возле подиума было пусто и безжизненно, никто из обслуживающего персонала и не думал еще возвращаться с перекура. Однако здоровенная баба-зампродюсерша напустилась на Машу с таким криком, словно по ее и только по ее вине простаивает техника и срываются планы проведения отборочного тура. Маша слушала отстраненно, без особых эмоций: послать эту дуру и то не хотелось. Даже вызвалась поискать оператора и осветителей, но в этот момент они вернулись сами, и зампродюсерша поменяла вектор своего гнева.

Перерыв объявили оконченным, и в зал снова нескончаемым ручьем заструились школьницы в мини. Маша ловила в кадр их представления о безумной эротике, достаточно стандартные, чтобы через час-полтора выработался крепкий штампованный кадр, вернее, четыре варианта, считая с портретом. Черт его знает, хорошо это или плохо. Вряд ли от нее ждут полета фотографической фантазии – но мало ли.

Попробовала сменить точку. Очередная долговязая претендентка выставила вперед остренькое плечико, украшенное алой татуированной розой. Маша плотоядно ухмыльнулась: роза вызвала ассоциацию с сигаретным ожогом в разрезе джинсов. А если и не она, пофиг. Поэкспериментируем, да?

И тут ее тронули за руку. Вася-Коля, надо понимать. Хочет, чтоб она выбилась из ритма и запорола какой-нибудь дуре фотосессию; фиг вам.

– Уйди, – не оборачиваясь, бросила Маша. Присела: в таком ракурсе эту фифу мама родная не узнает. И еще. И вот так. И портрет.

– Машка, –дохнуло горячим в шею, – ну наконец-то. Думал, вообще тебя не найду. Пошли, опаздываем.

– Толик?!

На подиум уже вскарабкалась следующая девица, блондинка явно без проблем с питанием по версии весов. Отводить глаз от видеоискателя было некогда.

– Ты псих, – шаг назад, чтобы влезла в кадр; щелк. – Какого ты сюда приперся? – щелк. – Как ты меня нашел?

– Давай живо! У нее сегодня день варенья. Это даже круче вчерашнего визита к цивилистам! Контакты, связи, явки-пароли... может, даже интим! Такого наснимаем! Вот увидишь, завтра рейтинг будет выше, чем у «Голой правды»!!.. и даже «Топ-секрета»!!!

Снова блондинка. Крашенная. Лет тринадцать, ноги от шеи. Поехали!..

– Машка!!!

– Отстань.

Разумеется, это было нереально. Толик никогда и ни от кого так просто не отставал. Искренне считая свое занудство проявлением журналистских талантов. И портрет. Щелк!

При входе на подиум возникла заминка. Похоже, какая-то коротышка, выбракованная ростом, ухитрилась просочиться внутрь. Сейчас на нее орали хором зампродюсерша со вторым зампродюсером. Нимфетка с мрачным фанатизмом пыталась все-таки штурмовать место под софитами.

Маша обернулась:

– Как нашел меня, спрашиваю? И как тебя сюда пустили? Взвесился, что ли?... в мини?

Физиономия Толика оказалась точь-в-точь такая, как она себе представляла, не отрывая глаз от фотографируемых эротичных школьниц. Такая, как всегда, восторженная и наивная. Толик всем нравился; до тех пор, естественно, пока эти «все» не читали о себе в его статьях. Камуфляжный командир весов у входа, по-видимому, еще не читал. И вряд ли станет.

– Мне Длинный сказал, что ты, наверное, здесь. Машка! Это же полный отстой. Это...

По восторженности пробежала рябь тоже привычного Толикового занудства. Сейчас начнется. Маша покосилась в эпицентр конфликта: коротышка уже была вся в слезах и потехах туши, но на подиум по-прежнему стремилась.

– Сними! – прервавшись, возбужденно шепнул Толик.

Маша щелкнула несколько кадров: чтобы сделать ему приятное, чтоб отвязался. Первой цели добилась легко, со второй дела обстояли хуже.

– А теперь пошли. Я ее сегодня с утра отслеживаю! Выходила один раз, купила батоны и зелень. И воды четыре бутылки! А так сидит дома, готовит, наверное.

– Ну и что?

– Как что?! Значит, все-таки будет сабантуй. Причем на работе, я вчера нарыл, она не выставляется, отмазалась, типа старик еще не похоронен, ля-ля, фа-фа! Прикидываешь, какой материалец вырисовывается?!!

Барышню окончательно довели до истерики и погнали к выходу. Маша окинула Толика утомленным взглядом. Пора пресекать, хоть и жалко мальчика. В конце концов, он всегда аккуратно платил ей за фотки, правда, сущие копейки, но все-таки. Интересно, надолго еще хватит его гранта?... или к окончанию шоу он уже тью-тью?

Между прочим, на шоу ее еще не взяли. А на подиум уже лезла очередная звездулетка.

– Значит, так, – Маша поймала ее в видоискатель. – Ближайшие два месяца меня нет. Ты хороший парень, с тобой прикольно работать, но тут, видишь ли, плохие дяди платят много денег и везут на халяву в Срез. Так что, сорри, но охотиться за своей инфантой будешь сам. И рисовать материалец, – она щелкнула портрет и на мгновение обернулась с ослепительной улыбкой. – У тебя получится.

Если б от Толика было так легко отвязаться!..

Она работала, а он мерзко и монотонно канючил под руку; раздражало это все больше и больше:

– Машка... Это же фуффло. На фига тебе снимать эти сиськи и задницы... кого таким сейчас удивишь? Халтура для пенсионерок. Позавчерашний день. А мы с тобой... Это же наш звездный час! Драйв, улет, оргазм! Такого еще никто не делал! Мы покажем суперкласс современной журналистики! «По следам» побьет все рекорды посещаемости!

Обслуживающий персонал несколько раз пытался разъяснить Толику, где двери, но он вел себя упорнее конфликтной коротышки. И мудрее: он вообще их не замечал.

– Машка! Шестой час уже! Пошли их всех на...

Послать хотелось его самого, но Маша прекрасно знала, что это бесполезно. А положение становилось опасным: с каждой минутой Толиковы художества отнимали у нее все

больше очков и щедро добавляли их Васе-Коле. Надо что-то делать. Щелк. В полный рост. И еще раз. Теперь портрет...

– Слушай, – шепнула она в микроскопическом зазоре между барышнями, – будь человеком, спустись вниз. Жди меня там, тут уже недолго осталось. Хорошо?

Он вроде бы перестал нудить, и, закрепляя успех, Маша бросила скороговоркой:

– К семи должны успеть. Без нас не начнут.

Хотелось курить. Жутко.

* * *

– Катя звонила! – крикнула мама из кухни.

– Ага, – отозвался он.

Прошел в душ. Сегодня он уже был в душе два раза: с утра и после тренировки, – но в такую жару стоит пробежаться по улице, и от футболки несет, как из раздевалки на сборах, несмотря на антиперспиранты. Кстати, мать погладила белую рубашку или, как всегда, забыла? Надо напомнить, время еще есть.

Времени было достаточно, чтобы пройти с десяток билетов по литературе. Водя упругим пучком струй по плечам, Стар твердо решил так и сделать. Сдать экзамен лучше всех в классе! А почему бы и нет, ему не слабо. Главная загвоздка – стихи. Особенно тот длинный, про войну, из пятого билета. Вот с него и начнем.

Закрутил кран и, не удержавшись, глянул в зеркало. Врет он все, этот психованный Бейсик, и типа-достоверные источники его врут. Насчет того, будто у мелких мужиков всегда больше, чем у высоких, – полная фигня, треп в надежде на благоволение Открывачки. А Марисабель хихикала, потому что дура. Все они дуры, малолетки сопливые. Все до единой.

Обернувшись полотенцем, Стар вышел из ванной. И чуть не столкнулся с мамой; в руках у нее, прихваченная двумя тряпками, дымилась огромная кастрюля. Сразу опять стало жарко. Мама вскрикнула, отступая на шаг:

– Сережа!

– Я не хотел. Предупреждать надо.

– Мог бы обвариться! Это компот. Отнеси на балкон. Тебе Катя звонила.

– Уже знаю, – он аккуратно перехватил из ее рук тряпочку, правую ладонь тут же обожгло сквозь истертую ткань. – Черт! Зачем я тебе прихватки дарил?

– Она опять звонила. И просила перезвонить.

– Ей надо, она и перезвонит. Ты меня пропустишь или как?

Мама посторонилась, и Стар, вытянув руки, потащил кастрюлю с компотом по коридору. Горячий пар от кастрюли мгновенно свел насмарку весь эффект от принятого душа; ладно, перед выходом по-любому надо будет залезть еще. В дверях гостиной обернулся:

– Погладь рубашку, мам! Слышишь?

Оставив компот остужаться (ха-ха!) на балконе, Стар прошел к себе в комнату. Включил гуделку-вентилятор: громко взвыло, на стенах зашелестели уголки плакатов с игроками Эн-Би-Эй, но прохладнее в его тесном тамбуре окнами на солнце не стало. Стар взгромоздился с ногами на диван, занимавший полкомнаты, и раскрыл хрестоматию. Стих про войну не вызывал никаких чувств, кроме тоски, – даже здоровой спортивной злости. А надо.

Не то чтобы он хотел оттянуть момент. Но, в конце концов, нужно же как-то взбодриться, обозначить, наконец, высокую цель, как выразился бы Бейсик. Не вставая, Стар протянул руку к этажерке, нащупал между корешками двух толстых книг и вытащил за уголок узкий конверт. Полюбовался голографической эмблемой турфирмы: дракон на гребне перебивающейся волны. Открыл, провел подушечками пальцев по тисненой бумаге с округлым и тускло-блестящим, как бронзовая медаль, текстом. Красота!..

А бабки ребята еще досадут. Куда они денутся?

Вздыхнул и героически всмотрелся в первое четверостишие. Прикрыл книжку, заложив пальцем, попытался повторить. С первого раза, естественно, не вышло.

А второй перебил телефонный звонок.

– Дылда? – наугад, вместо «алло», спросил Стар. И угадал.

– Я тебе звонила, – в ее голосе, как всегда, подрагивала обида. Не на него, на жизнь. – Тебе мама передала?

– Нет, – соврал он. – А что случилось?

– Да нет, ничего. Просто, во-первых, у тебя есть в тетрадке по Лимбергу про виды аберраций?

– В тетради нету. Но в учебнике же все написано, он больше не спросит. А что, литературу ты уже всю выучила?

– Конечно. А ты еще нет? У тебя проблемы? Я вообще-то могла бы прийти и...

– А во-вторых?

– Что? – не поняла Дылда.

– Я спрашиваю, что во-вторых? «Во-первых» проехали.

Образовалась пауза. Стар мог поспорить, что оскорбленная теперь уже на него лично Дылда решила бросить трубку и даже поднесла ее к рычагу. Но потом передумала.

– Во-вторых, – она говорила звонко, словно роняла металлические слезы, – я сегодня не смогу пойти. К Еве на день рождения. У меня дела.

– Какие дела?

– У меня... у меня экзамен послезавтра!.. Короче, я не обязана отчитываться. Ты староста, я тебя предупредила. Пока.

Стар послушал с десятков коротких гудков, пожал плечами. Тоже дура.

Снова раскрыл хрестоматию. Военный стих растянулся по бумаге, бесконечный, словно окружное шоссе, заворачивая за горизонт следующей страницы. Ступить на эту дорогу требовало большего мужества, чем располагал Стар после разговора с Дылдой. Экзамен у нее!.. а у кого не экзамен? Полный идиотизм. Но Дылда по крайней мере безропотно сдала двадцатку. Чего не скажешь о многих других.

Он все еще держал в руках телефонную трубку. Кстати. Нажал на рычаг и, услышав длинный гудок, по памяти отстучал номер Марисабели. Память на цифры у Стара была хорошая, он запросто держал в ней телефоны едва ли не всего класса. Если б со стихами оно выходило так же легко!..

– Здравствуйте! Можно Марину? Спрашивает староста класса.

Привычку солидно представляться Стар выработал давно: это сокращало вступительную часть разговора и открывало внушительный кредит доверия со стороны родителей одноклассников, а особенно одноклассниц. Но не всегда в тему: словоохотливая бабушка Марисабели буквально вцепилась в него, в подробностях, по-родственному рассказывая, почему именно внучки нет дома. Стар пропускал ее слова мимо ушей пачками, выискивая лазейку для побега из разговора; речь будто бы шла о каком-то конкурсе красавиц в телевизоре... и наплела же Марисабель своей наивной бабуле! В конце концов он зацепил левой рукой рычаг. Нет, правда, случайно. А что, случаются же помехи на линии!

Бейсик, как сообщила его мать, ушел в интернет-кафе. Лысого просто не было дома: его старший брат не стал вдаваться в объяснения. Еще несколько номеров вообще не отвечали; и где народ носит, как будто никому не надо готовиться!.. А вот Воробей снял трубку сам.

– Стар? – энтузиазма в его голосе не слышалось. – Привет.

– Привет. Зубришь?

– Ну? – Воробей явно тревожился. С чего бы это?

– Собираемся возле метро, в полседьмого, как договорились. И деньги не забудь.

– Какие деньги?

– Слушай, – болтать с ним хотелось не больше, чем с Дылдой или бабушкой Марисабели. – Не валяй ваньку. Я почти половину доложил своих, из тех, что у меня на мопед.

– На фига?

Стар выругался мимо трубки. Хотя можно было бы и не мимо.

– Стар, – голос Воробья вдруг понизился, стал почти интимным. – Я тебе одну вещь скажу. Я ж так понял, ты еще не в курсе, бояться говорить, сволочи, а я скажу. Ты меня слушаешь?

В чем сила шестерок: их презираешь, но слушаешь, никуда не денешься. Стар поморщился, сцепил зубы и коротко выпустил в щель между ними:

– Валяй.

– Значит, так, – заторопился Воробей. – Мы с ребятами посоветовались и решили... Никто не идет. Ну и бабки, соответственно... жалко, что ты уже попал с этим подарком. А вернуть никак нельзя?

– Подожди... Куда не идет?!

– К Еве. Ей самой, наверное, не до дня варенья, похороны завтра...

– Я переспрашивал, – отчеканил Стар. – Она ничего не отменила. Она нас ждет.

– Да ну тебя, Стар... Какого хрена? Ее по-любому выпрут из школы, она же дочка этого фашиста. На экзамене все равно никого не завалит, будет тише воды... так на фига, спрашивается, выпендриваться, задницу старушке лизать? Лично я не по этим делам. Не в кайф.

– Какого фашиста?...

Это все, на что его хватило.

Стар слушал короткие гудки, в упор не припоминая, сам ли он стукнул кулаком по рычагу или гад Воробей трусливо бросил трубку. А собственно, какая разница? Тем более что Воробей сделал свое хорошее шестерное дело: поставил его в известность. Торчал бы, как идиот, полчаса возле метро... а послезавтра одноклассники делали б одинаковые морды кирпичем: «Сорри, Стар, я думал(-ла), ты в курсе». Бесстыже списывая у нее под носом, – «тише воды!» – и только он один не смел бы поднять глаз выше учительского стола...

И чья, хотелось бы знать, идея? Открывачка припомнил переэкзаменовку в позапрошлом году? Бейсик – из любви к искусству эксперимента над человеком? Или Марисабель – как всегда и всюду, из ревности?

От последнего предположения его бросило в краску. И в пот; но все равно пора в душ.

Какие все-таки козлы! – он вылил на плечи полбанки геля и начал размазывать его по груди и подмышкам. Во всем классе о том, кто такой Лиловый полковник, раньше знала максимум одна Дылда, и то не факт. Да он им глубоко пофиг, тот полковник. Тут другое. Просто в кайф чувствовать себя сильнее и круче кого-то, особенно если этот кто-то показал слабину. И вдесятеро в кайф – если перед ним, кем-то, предстояло послезавтра трястись со шпорами под партой, но в свете последних событий уже далеко не так страшно...

То есть перед ней.

Лиловый полковник... Он, Стар, знал. Он прочел все, что нашел на эту тему в интернете. Да, диктатор, да, жестокий и кровавый, но она... Принцесса! Настоящая! Ей, наверное, стоило заикнуться, и тут же делалось все, чего б она ни пожелала, и целый Срез без остатка принадлежал ей... с ума сойти. Так странно, а раньше он смотрел на нее – и не замечал. Стар облизал губы: хлорированная вода с мыльным привкусом геля. Да кто сказал этим придуркам, что они вообще достойны переступить порог ее дома?!

Под мышками кололось. Намылится и прошелся бритвой: если в жару отпускать там волосья, никаких дезиков не хватит. На всякий случай поскреб и щеки, хотя они, честно говоря, повода не давали. Открывачка, Лысый и некоторые другие пацаны солидно, по-

взрослому обсуждали проблемы, связанные с бритьем, и Стар время от времени сомневался, все ли с ним в порядке. И прыщей почему-то нет: с одной стороны вроде бы классно, а с другой – это же, по идее, признак полового созревания... Как всегда, окинул себя в зеркале в полный рост. Да ладно!..

Приоткрыл дверь, впуская иллюзию прохлады, убедительную первые пару секунд:

– Ма! Ты рубашку погладила?

– Сейчас, Сережа, у меня суп на плите.

– Ну ма!!!..

– Ты что, сильно торопишься? – она выглянула из кухни, вся в бисеринках пота. – Помоему, у тебя еще есть время. Я освобожусь через десять минут.

Он вздохнул:

– Давай побыстрей, а? Надо еще цветы купить.

– Что, кроме тебя некому?

– Я же староста класса.

Магический титул помог, как всегда, он выручал в самых разных ситуациях, чем вполне компенсировал неудобства общественной нагрузки. Ей он тоже скажет: я пришел, потому что я староста класса. А вовсе не потому, что, оторвавшись от коллектива, подлю надеюсь на особый подход во время экзамена. И тем более не потому, что... о чем она еще может подумать?

Мама вынесла из спальни рубашку на плечиках. Стар щедро втер в подмышки антиперспирант с запахом медицинского спирта. Вообще-то мама права: рановато выходить за полтора часа. Хотя ему же правда нужно купить цветы. И не хватать же первые попавшиеся...

Стар взял с полки конверт с голографическим драконом. Поразмыслил и сунул его в другой, белый, вытряхнув оттуда россыпь фоток «три на четыре», оставшихся от военкомата и паспортного стола. Заклеил, посмотрел на просвет: дракон и волна просматривались неясным пятном, по которому ни в жизнь не отгадать, что там такое. Он попросит ее не распечатывать конверт до послезавтрашнего вечера. И пусть Дылда и все, кто соизволил сдать по двадцатке, сколько угодно не верят, что он об этом попросил. А остальных он тем более заткнет, если посмеют что-нибудь вякнуть.

Черт. Надо было ненавязчиво расспросить в учительской, какие она любит цветы.

...Уже на лестничной площадке стало страшно. Что цветы не те: действительно, что ей, инфанте, какие-то розы? У нее в замке, наверное, полы посыпали розовыми лепестками. И эта путевка, да еще в идиотском слепом конверте, будто взятка... Главное, не забыть выразить соболезнования. Когда?! – сразу, с порога?... или сначала поздравить?... или объяснить, почему, собственно... где...

Он чувствовал, что взмок, что запах пота легко берет верх над антиперспирантом, что необходимо срочно, развернувшись на сто восемьдесят градусов, бежать в душ... Но палец уже сам собой нажал кнопку звонка, отрезая пути к отступлению.

– Сейчас! – приглушенный голос из сказочного замка с драконом.

Ее зовут Эва. Эва Роверта. Принцесса Эвита.

Клацнул замок.

Жаркий воздух с запахом ванили. Женщина в маленьком фартуке поверх черного платья. Что-то вязкое, непроглатываемое в горле...

– Здравствуйте... Ева Николаевна.

– Старченко, – она улыбнулась грустно, как будто сразу все поняла. – Входи.

Здравствуй, папа!

У нас зима, очень холодно, некоторые деревья уже без листьев. Вчера даже камин затопили! На огонь интересно смотреть, почти как на море. Но в летней резиденции все равно лучше. Я бы хотела всегда там жить.

Сеньор Ричес заказал тебе новые учебники. Это хорошо, потому что мы старые уже закончили. В этом году у нас гуманитарный уклон. Мне нравится. Распорядись, чтобы и дальше был гуманитарный, я эту математику терпеть ненавижу! А физику вообще. По ней и учебников нет, то есть, они все неправильные, так сеньор Ричес говорит. Он мной доволен. Я уже пишу без ошибок на всех пяти языках! Говорит, я очень-очень способная ученица.

Правда, Вилья смеялся. «Попробовал бы твой сеньор Ричес так не сказать, ему бы знаешь что было?» А что бы ему было, папа? Вилья меня старше на год. Его мама кастелянша в зимнем замке. Мы дружим.

Ты представляешь, тут под северной стеной отражалка!!! Мне Вилья показал. Отражалка – это... Ну, она отражает, как зеркало, а если ходить туда-сюда, появляется картинка, из воздуха просто! Мы их много наделали, очень смешные, особенно где я с высунутым языком. Роза сказала: «Ты принцесса, тебе должно быть стыдно». Но мне не очень стыдно, они же все равно попропадали потом. А так я тебе прислала бы на память.

Приезжай, папа! Тут хорошо, хоть и зима. А может, ты уже летом приедешь? В летнюю резиденцию, да? Тогда пока пиши письма подлиннее. Знаешь, Вилья говорит, что их вообще пишешь не ты. Врет, правда?

Твоя Эвита.

21.02.12

Глава III

– Билет номер двадцать пять. Гы-гы. Исторический роман двадцатых годов прошлого века. Ни фиги себе!.. Творчество Г. Ан-то-ко-ловского. Тю!.. а кто это такой?

– Не паясничайте, Бушняк. Если вы не готовы, кладите билет и можете быть свободны.

Что-то такое звучало сегодня в ее голосе. Неуловимое, как низкие частоты в треснувшей трубе органа. Бесстрастная и безжалостная звуковая волна, на пути которой лучше не стоять; оказавшись в непосредственной близости от ее источника, это понимали все. Все до единого. От директрисы, которая после трех подряд неудовлетворительных оценок (а кто виноват, что класс явился тотально не готовым к экзамену?) выбежала из кабинета, вероятно, советоваться с кем-то вышестоящим – и до этого недомерка, на глазах теряющего ошметья наглости и хулиганского куража.

Бушняк сглотнул, сник, встал из-за экзаменационного стола. Если он, великовозрастный второгодник, не сдаст экзамена и не будет переведен в следующий класс, то загремит прямоком в армию. Он был прекрасно осведомлен, что классная руководительница об этом знает. Но не мог предположить, что ей будет до такой степени все равно.

Функция, принимающая экзамен по литературе в десятом классе. Не больше.

– Кто следующий?... желающих нет? Тогда продолжим по списку. Дмитриев.

Как еще долго, тоскливо подумала Эва. Хотя, собственно, куда торопиться?

– Тяните билет.

Где-то на краю поля зрения короткопалая рука с обкусанными ногтями зависла над рядами белых прямоугольников. Прodelала шутовские манипуляции – класс отозвался безрадостными нервными смешками – и наконец спикировала указательным пальцем вниз. Исчезла вместе с билетом. Поднимать глаз Эва не стала.

– Шестнадцатый.

– Хорошо, – она сделала пометку. – Идите готовьтесь.

– А если я без подготовки? – осведомился мальчишеский голос. – Мне тогда полагаются дополнительные баллы, правда?

По классу пробежал ропот, и стало очевидно, что тут кроется подвох; с этим Дмитриевым, с трудом припомнила Эва, никогда не обходилось без подвоха. Пусть. Сегодня она чувствовала себя неуязвимой, словно крепостная стена замка над морем. И такой же равнодушной.

– Попробуйте.

– Поэты-авангардисты начала века, – с порочным предвкушением в голосе начал Дмитриев. – Разнообразие направлений и школ. Творчество Петра Деомидова. Рассказываю. В начале века в поэзии пышным цветом расцвел авангардизм. Направлений и школ было великое множество. Наиболее ярким предводителем своей школы был Петр Деомидов, прославившийся авангардистскими стихами. Второй вопрос: образ Никиты в повести А.Миненко «Хлеб». Это очень яркий, запоминающийся образ, в котором талантливый писатель А.Миненко мастерски раскрыл свое видение психологии главного героя. Повесть «Хлеб» по праву является образцом...

Она посмотрела вдаль, поверх головы отвечающего и прочих перепуганных, но любопытных голов. За последней партией в компании полусонной теткой из гороно страдал физик Лимберг. Встретившись взглядом с Эвой, мгновенно опустил глаза; ему было стыдно. За то, что малодушно согласился подменить директрису, что теперь истово, как невеста моряка, ждет ее возвращения, ну и, конечно, за свой будущий отчет о мероприятии, от написания которого никак не отвертеться. Эва усмехнулась. Ни малейшей жалости к Лимбергу она не испытывала.

Она вообще не испытывала сегодня никаких чувств.

– У вас все? Два.

– А дополнительные баллы? – злорадно осведомился ученик.

– Это с учетом дополнительных, – пояснила Эва. – Придете на переэкзаменовку. И советую все-таки подготовиться. Кстати, Анна Миненко – женщина. Следующий!

Напоследок она скользнула взглядом по его лицу: растерянные гляделки между пунцовыми крыльями оттопыренных ушей. Как же так?!.. ведь училка должна была оценить находчивость и натянуть удовлетворительную оценку, на чем и строился расчет; сорри. Сегодня ты имел дело с чистой функцией, лишённой чувства юмора.

Класс притих, затаился так, что с задней парты донесся шелест страниц дамского романа на коленях у гороношной тетки. Вопрос о желающих не стоял.

– Дымов, тяните билет. Андреева, вы готовы отвечать?

– Д-да, Ева Николаевна, – на бледную отличницу в очках было жалко смотреть; в смысле, кому-нибудь было бы жалко. – Билет номер семь. Периодизация литературы двадцатого века. В общем... ну... На сегодня существуют три основные периодизации литературы этого периода. Согласно первой из них, вся литература двадцатого века делится на три основных периода, каждый из которых, в свою очередь...

...Воинские почести свелись к бордовым подушечкам, куда приколоты кресты и многоконечные звезды нездешних орденов, да к залпу из ракетницы на треножнике, похожем на фотографический штатив. Караульные солдатики трясли в воздухе ненастоящими винтовками, увенчанными совсем уж опереточными штыками. Два цивила, курировавших церемонию, разумеется, были в штатском. Эва так и не смогла разобраться, с кем из них ей пришлось беседовать на днях. Оба смотрели на нее с одинаковым дежурным сочувствием, за которым нарочито маячило некое тайное, даже интимное знание – и укоризна: вас же предупреждали, Ева Николаевна. Вслух ничего подобного, конечно, не произносилось. И она отмахивалась от расшифровки этих взглядов, пытаясь сосредоточиться на другом, на важном и главном; хотя бы теперь...

Не получалось.

Всего лишь толстенный слой грима на мертвом лице, расплывающийся и меняющий цвет от жары. Блики на складках лиловой ткани, чересчур яркой, блестящей и хлипкой, наверное, после химчистки. Белые перчатки; а вот это неправда. Белых перчаток он никогда не носил... ни в прямом, ни в переносном смысле. Ну и что?

А потом была земля. Сухая, но липкая, никак не желавшая счищаться с ладони. Те же солдатики, прислонив винтовки к оградке соседней могилы, браво накидали лопатами приличный холмик. Просто перекопанная земля. Потом, когда она осядет, они, вероятно, поставят что-то вроде памятника... Эва подумала, что никогда больше сюда не придет. Зачем?

Ракетница оказалась, по-видимому, самодеятельной, из тех, какими особенно феерические граждане поддерживают новогодний салют. Оглушительно хлопнуло по ушам, в горячем воздухе мигнула вспышка, а затем сверху посыпались, кружась, вполне материальные пожароопасные искры. Одна из них пропала на плече, обожгла кожу, и Эва вскрикнула, а цивил...

– У вас все?

– Все, – пролепетала Андреева. Отличница, золотая медаль... для чистой функции это не аргумент. Отвечала она средненько, на восемь-девять. Но, пожалуй, пару дополнительных вопросов заслужила:

– Когда и где состоялась премьера спектакля по пьесе Леонида Ланового «Порох»?

Девочка прикрыла глаза под очками и, будто читая с невидимого листа, отрапортовала:

– Двадцать пятого июня двенадцатого года. В театре Современной драмы.

– Правильно. А как вы считаете, почему герой пьесы предал свою невесту?

– Потому что... – она сглотнула. Сняла очки, сразу став еще некрасивее, потом снова их надела; за стеклами, словно дождь, собирались слезы. – Он ее... мне кажется...

– Вы не читали, – резюмировала Эва. – А в учебнике этого нет. Восемь баллов. Можете быть свободны.

Отличница всхлипнула, рывком вскочила, метнулась за вещами – на пол с грохотом свалились и ее сумка, и хрестоматия из-под парты соседа, – и уже в дверях впечаталась длинным носом в декольте директрисы. Почувяв свободу, с последней парты, произведя не меньший, чем Андреева, грохот, сорвался физик Лимберг; напрасно, его явно не собирались так просто отпускать. Директриса держала паузу. Под ее взглядом чиновница из гороно никак не решалась перевернуть страницу.

Наверное, все это было смешно. Эва опустила глаза на список:

– Евстратова, тяните билет. Васильченко, я вас слушаю.

– Перерыв! – вклинился зычный голос директрисы. – Экзамен будет продолжен в четырнадцать-ноль-ноль. Зайдите ко мне, Ева Николаевна.

Класс тихо, без энтузиазма повставал с мест. Эва пожала плечами и закрыла журнал. Функция прервана, только и всего.

В коридоре она столкнулась с Лимбергом. Физик прогуливался вдоль стены, почитывая цитаты великих на дощатых планшетах. Действительно, чем не достойное занятие. При тормозила – не из сочувствия, просто чтобы оттянуть визит к директрисе. Беззвучные тени учеников скользили мимо, стараясь по возможности слиться с интерьером; первый взрыв возмущения донесся снизу мгновением позже, будто далекий гром вдогонку уже погасшей в небе вспышке.

– Зря вы так, Ева Николаевна, – бросил Лимберг, конспиративно задрал голову к планшету.

– Что – зря?

– Устроили разгром. Катя Андреева идет на золотую медаль, вы же знаете. Кроме того, я уверен, что она читала пьесу, просто вы своим вопросом поставили девочку в тупик. Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем вам это понадобилось?

Забавный получается разговор, констатировала Эва без намека на внутреннюю улыбку. Самое смешное, что Лимберг однозначно пишет в уме его стенограмму. И цель у него, конечно, самая благородная: разобраться, понять, помочь. Все вокруг словно сговорились ей помогать!..

...настоял, что ожог надо смазать мазью, предусмотренной для подобных случаев личной аптечкой сотрудника гражданских спецслужб. Аптечка находилась в кабинете, том же самом – или точно таком же – где Эва была в прошлый раз, и в позапрошлый, и так далее. Дракон, семейное фото, компьютер, почему-то развернутый монитором на три четверти к двери. Хотя, впрочем, понятно, с какой целью. Чтобы сразу. Наповал.

– Извините, – довольно убедительно смутился цивил, возвращая монитор в исходное положение. – Перед церемонией я как раз занимался... Мы заблокировали сигнал их сервера, ведутся переговоры. Можете не волноваться, кроме нас с вами, этих фотографий пока никто не видел.

«Пока» у него вышло профессионально, почти без нажима. И времени ей дали ровно столько, сколько нужно. Дабы успела узнать и ужаснуться, но не особенно разглядела детали, вряд ли столь пикантные, как того требует классика жанра. Далее подразумевалась внятная душеспасительная беседа, каковая, разумеется, и воспоследовала. Скучная, словно похоронный штатский костюм.

Вот тут-то Эве и сделалось все равно. Женщина стала функцией. На тот момент – аналитической функцией, размышляющей, как такое возможно. Технически.

С фотографиями проще всего: на вооружении граждан наверняка имеется любая оптика. Действительно ли они размещены в реально существующем интернет-издании? – она тогда скользнула взглядом по шапке сайта бездумно, не прочитав, – да какая разница. Подбить же стаю десятиклассников не идти на день рождения к учительке тем более проще простого. И, наверное, совсем нетрудно соответствующим образом проинструктировать отдельно взятого мальчика пятнадцати лет...

Но неужели они срежиссировали даже искру от салюта?

* * *

Дылда рыдала отчаянно и молча, не снимая очков: из-под оправы с запотевшими стеклами блестели мокрые щеки и шмыгал малиновый нос. Смотреть на нее было жалко. Даже Открывачке.

– Не реви, – миролюбиво сказал он, возлагая пятерню на ее плечо; естественно, с высоты парашюта. – До осени возьмут нормальную литераторшу. И причапаем толпой типа пересдавать: ты, я, Бейсик...

Дылду передернуло – то ли от прикосновения, то ли от предложенного синонимического ряда; так или иначе, Открывачка потерял равновесие, чуть не полетел с парашюта на газон и выматерился, помянув Дылду уже в одном ряду с учителькой, писателем Антоколовским и прочими классовыми врагами. Затем уселся поудобнее, подвинув Воробья, и закурил что-то самокрутное, мерзкое. Впрочем, тут, на свежем воздухе, почти не чувствовалось.

– Расслабьтесь, – сообщил Бейсик. – Пересдадим уже сегодня. Еве кое-что популярно объяснят, приведут некоторые соображения, и... – он многозначительно хихикнул. – А кое-кому и без того светит гарантированное двенадцать.

Дылда подняла зареванные глаза. Без очков – очки она протирала носовым платком. Высморкалась туда же, несколько раз моргнула и снова их надела.

Бейсик молчал, обернувшись к дверям школы. До них отсюда было самое малое шагов десять, но интуиция никогда его не подводила.

Двери отворились медленно, артистично, и в проеме показалась Марисабель. Плавно, никуда не торопясь и никого не замечая, поплыла вниз по ступенькам; эротизм ее движений напрочь перечеркивал и клетчатую юбку ниже колен, и косичку за спиной, и полное отсутствие косметики. Бейсик присвистнул. Воробей и Открывачка заерзали на парашюте. Дылда чихнула.

– Вот запахло, – бросила Марисабель, поравнявшись с группой. – Если б знала, пошла бы первая отвечать. А теперь торчи тут до двух... Как будто у меня своих дел нет.

– Ты шо? – не понял Лысый. – Она же всех валила!

– Плевать, – отозвалась Марисабель.

Загадочности в ее тоне было не меньше, чем у Бейсика, а неотразимости гораздо больше. Навстречу длинной сигарете, извлеченной из скромного портфельчика, защелкали зажигалки. Дылда поморщилась, но всхлипывать перестала.

– Это все потому что мы не пошли к Еве на день рождения, – тускло выговорила она. – Я бы на ее месте тоже обиделась.

Марисабель искоса бросила на нее взгляд, в котором аккумулировалось все, что она думала о перспективах Дылдиного одинокого сорокалетия. Но тема не стоила того, чтобы ее развивать. Однако и подавать сногшибательную новость вот так сразу, без эффектной паузы, не хотелось. Да и присутствовали не все, кого Марисабель желала бы видеть при ее оглашении. Так что она сексуально затянулась и оперлась на парашют, раздвинув локтями Воробья с Открывачкой.

– Как сообщают компетентные источники, – изрек Бейсик, – Ева Николаевна не скучала.

И замолчал, торжествующе глядя на Марисабель. Один-ноль. Попробовала бы она теперь заикнуться о чем-нибудь своем. Зашикали б насмерть.

– Что, неужели Блинбергу обломилось? – схохмил Лысый. Все прикололись, но ненадолго; из разрозненных смешков образовалась тишина.

– Ну? – нетерпеливо пискнул Воробей.

Бейсик наслаждался.

Открывачка спрыгнул с парапета и несколько раз прошелся туда-сюда по плиткам аллеи, едва не сбив с ног Дылду, попятившуюся на газон. Как ни странно, на бесхитростной Открывачкиной физиономии шевелилась работа мысли. Остановился он внезапно, так что из-под подошв его кроссовок взметнулась пыль, словно из-под колес резко тормознувшего автомобиля. Развернулся к Бейсику:

– Стар?!

– Стар, – чуть разочарованно, однако не без уважения подтвердил тот.

– Убью гада.

Дылда вздрогнула, споткнулась о бровку. Лысый и Воробей переглянулись, пытаясь переварить ошметья информации; выспрашивать более полную версию было стремно. И только Марисабель, выпустив к небу узкую, как миниатюрный смерч, струйку дыма, требовательно заявила:

– Не поняла.

– Шо тут непонятного, – процедил Открывачка. – Я всегда говорил, что он сука последняя. Поперся. Еще и с подарочком, небось. За общее бабло. Сволочь.

Бейсик хихикнул. Он никогда не выдавал всю ценную информацию сразу, только порционно. И все об этом знали.

– Ну? – не выдержала Марисабель. Два-ноль.

– Не стоит жалеть бабки на прощальный подарок любимой учительнице, – игнорируя одноклассницу, сказал Бейсик, интимно склонившись к Открывачке; вообще-то они оба и не думали сдавать никаких денег. – Тем более что наш староста отработал за всех. Вот только не надо завидовать.

– Кому завидовать? – зазвенела Дылда.

Бейсик развел руками:

– Вопрос, конечно, интересный. Я бы ответил, что Еве: в ее-то возрасте!.. но, если подумать, – он поморщился. – Ковер у директрисы... фи. Хоть бы дали уволиться по собственному желанию. А зато кому-то – двенадцать баллов. Так что, возвращаясь к вопросу, это с какой стороны посмотреть...

– Стар идет, – с подчеркнутым безразличием бросил Воробей.

Все обернулись: синхронно, как на торжественной линейке.

Стар шагал по параллельной аллее школьного сквера, периодически скрываясь за тополями и снова появляясь в геометрически одинаковых отрезках между ними. Его баскетбольная фигура в костюме и при галстукке отталкивалась от земли пружинисто, словно собираясь взлететь; и точно, на подходе к очередному дереву Стар взмахнул «дипломатом», перебрасывая его, будто мяч, в другую руку, и в высоченном прыжке коснулся косой ветки, нарушавшей форму тополиной кроны. И пошел дальше, чуть запрокинув голову, как если бы подсчитывал ласточек в небе. Одноклассников он, разумеется, не видел. И плевать на них хотел – с высокого, понимаете, дерева.

Дылда подалась вперед, опять топча газон, однако передумала, не окликнула. Открывачка стиснул кулаки и пробормотал что-то матерное сквозь зубы. Лысый хмыкнул, Воробей

негромко, но расчетливо присвистнул. Бейсик состроил одну из своих многовыразительных гримас, значение которой можно было бы описать как минимум в двух абзацах.

– А я прошла кастинг на реалити-шоу «Я – звезда»! – очень громко объявила Марисабель. – Съемки начнутся через три дня!! В Срезе!!!

Она спрыгнула с парашюта, но неудачно – зацепилась юбкой за какой-то выступ, причем подол задрался некрасиво, без намека на сексуальность. Марисабель дернулась, раздался треск, и сзади над коленом обвис прямоугольный лоскут. Правда, Стар этого не увидел.

Он вообще ничего не видел, кроме ласточек и спящего солнца.

Здравствуй, папа!

Сегодня у нас идет дождь. И вчера шел. А позавчера немножко шел, а потом перестал, и над морем была радуга. Большая-большая, больше арки над подъемным мостом. Кстати, мост скрипит и качается, просто ужас. Роза боится и ходит в купальню через черный ход. Рабочие на той неделе обещали, что завтра починят. Но дождь.

Сеньорита Мария говорит, что у нас скукотища. Сеньорита Стефани тоже так говорит. Еще они все время болтают, как весело в городе, и с какими мальчиками целовались, и про модные платья, и про кто чей отец. Они все время надо мной смеются, когда я не вижу. Папа, ну пусть они уедут! Зачем они? С ними дружить совсем неинтересно, потому что дуры. И Драго они боятся.

Я тебе хотела написать не про них, а про Драго. Роза распорядилась, чтоб его закрыли в башне, представляешь?! По-моему, она превышает полномочия. Может, поменяешь мне дуэнью? Кастеляншу же поменяли. Или прикажи ей. Там бойницы нестекленные и дождинки залетают. И ему грустно, наверное. Он же иници-ированный, он все понимает. И разговаривать с ним интереснее, чем с сеньоритами. А Роза перепугалась, потому что мы летали над морем наперегонки. И всех пажей с их дикими драконами победили!!! Пусть его выпустят!

А вообще у нас все хорошо. Только грустно из-за дождя. Море совсем серое. Я читаю книжки, но мне не все дают. Одну Роза вообще поставила на самую верхнюю полку во второй ряд и закрыла в чулане стремянку. А сеньорита Стефани говорит, очень интересная. Ты прикажи, чтобы мне дали! Называется «Декамерон».

Хотела написать, чтоб ты приехал. Но ты же все равно не приедешь, у тебя дела и долг перед Родиной. Я понимаю. Я же принцесса.

Тогда забери меня отсюда!!!

Твоя Эвита.

21.09.14

Глава IV

Зампродюсерша сказала, что перезвонит сегодня во второй половине дня. И до сих пор не позвонила. Маша начинала нервничать.

Более идиотского занятия, чем торчать на этом чердаке, трудно было бы измыслить – даже с поправкой на богатую Толикову фантазию. Жара под раскаленной крышей стояла невероятная, от пыли и паутины не продохнуть, а кроме того, периодически нападали сомнения, берется ли здесь, в виду леса теле- и радиоантенн над головой, сигнал мобилки. Но хуже всего, конечно, был сам Толик.

– Машка, смотри! Мужик на балкон вышел. Голый! Щелкни.

– На фига? Это же другой балкон.

– Ну, мало ли... все-таки сосед. Может пригодиться.

– Тебе нужны снимки всех соседей? Знаешь, сколько в доме квартир?

– А тебя жаба давит? Не на пленку же снимаешь, а на цифру... ну Машка! Он уходит же!.. ну вот, ушел.

– Правильно сделал. Я, пожалуй, тоже пойду.

– Машка!!!

Толик метнулся к ней с другого конца чердака – ему вообще не сиделось на месте, словно барышне в ожидании прихода кавалера; сходство усугубляли беспрестанно шевелящиеся пухлые губы и длиннющие ресницы. Журналиста-папарацци в засаде Маша представляла себе несколько иначе. Раньше. Теперь-то она давно привыкла.

– Не дергайся, я пошутила. Еще полчаса жду. И все!

Лучше б она ничего не говорила. Толик, естественно, тут же начал канючить:

– Ну Машка-а-а... Это же наша козырная тема! Мы не можем вот так взять ее и слить! Да после того, что мы с тобой в прошлый раз...

Прошлым разом Маша действительно осталась довольна. Чисто технически сделать приличные снимки с этой точки, под углом, сквозь двойное и, по-правде говоря, давненько не мытое стекло – хорошо хоть, не бликовало, солнце как раз успело опуститься за крышу, но еще не стемнело... Все равно: это было практически невозможно – а она смогла! Маша любила делать невозможные вещи. Что, наверное, и сближало ее с Толиком. Больше никаких точек соприкосновения между ними не наблюдалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.